
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ
Кулижский Богдан
КОВЧЕГ
ВЫЖИВИ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Богдан Кулижский
Последний день на земле

https://litres.ru/74754538
SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетний Максим Кузнецов мечтал о любви, друзьях и простом будущем. Но его планы перечеркнула ядерная война. Когда небо стало ослепительно белым, а привычный мир рухнул, он оказался заперт в сыром подвале вместе с родителями. Сначала умерла надежда, потом — мать. А когда Максим впервые вышел на поверхность, он понял: планета больше не принадлежит людям.

Днем улицы мертвого города пусты, а ночью на охоту выходят «Сумеречные» — обугленные твари со светящимися глазами. Но настоящий ужас ждет впереди. Найдя приют в лагере выживших, Максим сталкивается с человеческой жестокостью: предательством, диктатурой и рабством. Здесь за кусок хлеба нужно платить кровью, а за попытку спасти любимую — жизнью.

Сможет ли бывший студент-сварщик сохранить в себе человека там, где правит сила, а монстры не всегда прячутся в темноте?

«Последний день на земле» — это мрачный постапокалиптический роман о цене выживания, потерянной юности и надежде, которая тлеет даже под толщей бетона.

Богдан Кулижский
Последний день на земле

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ

Автор: Кулижский Богдан

— — — — —

ЧАСТЬ I. БАГРОВЫЙ РАССВЕТ

Глава 1. Месяц до конца

За месяц до катастрофы Максим Кузнецов считал свою жизнь скучной.

Ему было семнадцать, он учился на втором курсе политехнического колледжа на сварщика, жил с родителями в панельной девятиэтажке на окраине областного города и каждый день ходил по одному и тому же маршруту: дом — остановка — колледж — столовая — мастерская — дом. Иногда — гараж отца, где пахло машинным маслом и бензином. Иногда — двор, где пацаны играли в футбол на асфальте, и мяч с глухим стуком бился о бетонную стену. Иногда — кино с друзьями, если хватало денег на билет.

В тот месяц, за тридцать дней до конца мира, по телевизору всё чаще говорили о «нестабильной международной обстановке». В новостях мелькали карты, стрелки, красные круги. Дикторы с каменными лицами произносили слова «санкции», «эскалация», «ответные меры». Отец, Виктор Сергеевич, работавший на заводе слесарем-ремонтником, хмурился и переключал канал на футбол. Мать, Елена Анатольевна, работала в школьной столовой, уставала так, что к вечеру едва говорила, и только махала рукой:

— Да что ты, Макс, слушаешь эту ерунду? Войны не будет. Всегда так пугают, а потом договариваются.

Максим пожимал плечами. Ему было всё равно. В его возрасте кажется, что мир вокруг — это декорация, которая будет стоять вечно. Что завтра будет такое же утро, такой же автобус, такие же лица. Что смерть — это что-то далёкое, книжное, киношное. Что она случается с другими.

За месяц до катастрофы он влюбился.

Девушку звали Кристина. Она училась в параллельной группе на повара, носила короткую кожаную куртку не по погоде и красила губы тёмно-красной помадой. Максим смотрел на неё на переменах и не знал, как подойти. Однажды

она сама подошла к нему в столовой и сказала:

— Ты чего такой грустный? Сварщик, а глаза как у поэта.

Он покраснел. Она засмеялась. Через неделю они уже гуляли по вечернему городу, держась за руки, и Максим думал, что счастье — это когда идёшь рядом с человеком, который тебе нравится, и не хочешь, чтобы дорога заканчивалась.

За двадцать восемь дней до катастрофы в колледже прошли учения по гражданской обороне. Учитель ОБЖ, седой мужик с усами, построил всех в коридоре и сказал:

— При сигнале «Внимание всем!» вы должны организованно спуститься в подвал. Без паники. Ясно?

Все кивнули. Кто-то засмеялся. Кристина шепнула Максиму на ухо:

— Представляешь, если правда война? Мы с тобой спрячемся в подвале и будем есть тушёнку.

— И целоваться, — сказал он.

— И целоваться, — согласилась она.

Они не знали, что через двадцать восемь дней подвал станет для Максима домом, а Кристина... Кристина останется наверху.

За двадцать дней до катастрофы отец принёс домой старую рацию. Он нашёл её в гараже у знакомого, выменял на бутылку водки. Рация была тяжёлая, металлическая, с потёртыми ручками.

— На всякий случай, — сказал отец, ставя её на кухонный стол. — Если что — будем знать, что происходит.

Мать фыркнула:

— Ты бы лучше картошки купил, чем эти железки.

Но картошку они тоже купили. Два мешка. И консервы. И воду. Отец, обычно спокойный и немногословный, в тот месяц стал задумчивым. Он чаще курил на балконе, смотрел в небо и молчал. Однажды Максим вышел к нему.

— Батя, ты чего?

— Ничего, — сказал отец. — Просто... если что-то случится, ты слушай меня. Понял? Слушай и делай, как я скажу. Без вопросов.

Максим кивнул. Тогда он не придал этому значения.

За две недели до катастрофы в городе начали проверять бомбоубежища. По подъездам ходили люди в форме, стучали в двери, спрашивали, есть ли в доме инвалиды и дети. В подвале их девятиэтажки убрали мусор, поставили деревянные нары, принесли ящики с песком. Максим с отцом спускались туда — помогали носить доски. В подвале было сыро, пахло хлоркой и старой картошкой. На стенах висели трубы, переплетённые, как вены.

— Вот здесь мы и будем сидеть, если что, — сказал отец.

— Если что? — переспросил Максим.

— Если что, — повторил отец и больше ничего не сказал.

За десять дней до катастрофы Кристина позвала Максима домой знакомиться с родителями. Её отец работал в администрации, мать была учительницей английского. Квартира у них была большая, светлая, с коврами на стенах и хрустальной люстрой. За столом говорили о политике.

— Войны не будет, — уверенно сказал отец Кристины. — Это всё блеф. Никто не самоубийца. Экономика важнее.

Максим кивал. Ему было неуютно. Он чувствовал себя чужим среди этих людей, которые говорили о мире так, будто держали его в руках. Кристина под столом сжала его ладонь и улыбнулась.

— Всё будет хорошо, — шепнула она.

За неделю до катастрофы в магазинах начали пропадать продукты. Сначала сахар. Потом соль. Потом спички. Люди скупали всё, что можно было скупить. В школьной столовой, где работала мать, выдали зарплату — и она в тот же день потратила половину на мешки с крупой и коробки с консервами.

— Елена, ты чего паникуешь? — спрашивали соседки.

— Пусть лучше будет, чем не будет, — отвечала она.

За пять дней до катастрофы Максим и Кристина гуляли по парку. Был вечер, пахло осенью, листья жёлтыми пятнами лежали на асфальте. Они сидели на скамейке, и Кристина вдруг сказала:

— Макс, а если правда война? Что мы будем делать?

— Не знаю, — честно сказал он. — Спрячемся. Выживем.

— А если не выживем?

Он посмотрел на неё. В её глазах было что-то такое, чего он раньше не видел. Страх. Настоящий, взрослый, липкий страх.

— Тогда мы хотя бы будем вместе, — сказал он.

Она прижалась к нему. Они сидели так долго, пока не стемнело. Максим проводил её до подъезда и пошёл домой. На улице было тихо. Слишком тихо. Как будто город затаил дыхание.

За три дня до катастрофы по телевизору выступил президент. Он говорил о «беспрецедентном давлении», о «красных линиях», о «готовности защищать суверенитет». После выступления отец выключил телевизор и пошёл в гараж. Вернулся через два часа с канистрой бензина и ящиком инструментов.

— Макс, — сказал он. — Завтра принесёшь из подвала ещё две канистры. И фонарик. И батарейки. Понял?

— Батя, ты серьёзно?

— Серьёзно, — сказал отец. — Я не хочу, чтобы мы остались без воды и света.

За день до катастрофы Максим проснулся от странного чувства. Ему казалось, что воздух в квартире стал тяжёлым. Он вышел на кухню. Мать сидела за столом и молча пила чай. Отец стоял у окна и смотрел на улицу.

— Доброе утро, — сказал Максим.

Никто ему не ответил.

В колледже в тот день было тихо. Преподаватели были задумчивы. Кристина не пришла. Максим написал ей сообщение, но она не ответила. Он весь день ходил как в тумане. После занятий пошёл домой. По дороге он увидел, как из магазина выходят люди с полными сумками. У банкомата стояла очередь. У автобусной остановки кто-то плакал.

Вечером они ужинали всей семьёй. Мать приготовила картошку с мясом. Отец разлил по рюмкам водку — себе и матери, а Максиму налил компот.

— За нас, — сказал отец.

— За нас, — сказала мать.

Они выпили. Максим смотрел на них и думал, что никогда не видел отца таким серьёзным. После ужина отец проверил рацию. Она работала. Он покрутил ручку, и из динамика послышался треск. Потом голос диктора:

«...ситуация остаётся напряжённой. Власти призывают сохранять спокойствие...»

Отец выключил рацию.

— Ложимся спать, — сказал он. — Завтра будет тяжёлый день.

Максим не спросил, почему. Он уже понял: что-то будет. Что-то страшное. Он лёг в кровать, но не мог уснуть. Смотрел в потолок, слушал, как за окном шумит ветер. Потом достал телефон и написал Кристине:

«Ты как?»

Ответ пришёл через минуту:

«Боюсь. Родители говорят, что надо уезжать из города. Но куда?»

«Всё будет хорошо», — написал он.

«Ты уверен?»

Он не ответил. Потому что не был уверен.

Утро началось как обычно. Максим проснулся от того, что за окном орали птицы. Солнце било в щель между шторами. Мать гремела посудой. Отец собирался на работу. Всё как всегда.

В 9:00 Максим вышел из дома. На улице было прохладно. Он шёл к остановке, когда услышал гул. Сначала он подумал, что это самолёт. Но звук был другой — низкий, вибрирующий, идущий откуда-то сверху. Он поднял голову. Небо было чистым. И вдруг в этой синеве появилась белая полоса. Одна. Вторая. Третья.

Потом завыли сирены.

В колледже началась паника. Максим бежал по коридору, когда кто-то закричал:

— Включите радио!

В кабинете ОБЖ стоял старый радиоприёмник. Учитель включил его. Из динамика послышался хрип, потом голос:

«Внимание! Всем! Внимание! Говорит штаб гражданской обороны. На территорию страны нанесены ядерные удары. Ракетная опасность третьего уровня. Всем немедленно спуститься в укрытия...»

Максим не помнил, как выбежал из колледжа. Он бежал домой. Два километра по улице, где люди метались, как муравьи из разорённого муравейника. Машины сигналили, кто-то грабил магазин, кто-то молился на коленях посреди дороги. Он видел, как женщина с ребёнком на руках упала и её затоптали. Видел, как мужчина с битой разбил витрину и полез внутрь. Видел, как старик стоял посреди дороги и смотрел в небо.

Дома он оказался через двенадцать минут. Отец уже был дома — он бросил работу и прибежал. Мать плакала в коридоре, прижимая к груди кошелёк и паспорт.

— Быстрее! — заорал отец, и его голос впервые за долгое время дрожал. — В подвал!

Они схватили сумки — заранее собранные, с документами, водой, консервами, аптечкой. Отец взял рацию. Мать —

свечи. Максим — фонарик и нож. Они спустились в подвал за секунды до того, как небо за окном стало ослепительно белым.

Даже сквозь бетонные стены и землю Максим почувствовал, как дом вздрогнул. Как зазвенели бутылки на полке. Как задрожала земля. Потом раздался гул — не гром, а низкий, вибрирующий звук, от которого закладывало уши и хотелось закричать. Мать зажала ему уши ладонями. Они сидели в темноте, втроём, обнявшись, и ждали, когда закончится конец света.

Свет мигнул и погас. Наступила тишина. Потом где-то далеко громыхнуло ещё раз. И ещё. И ещё.

Отец включил фонарик. Луч выхватил из темноты сырые стены, трубы, ящики с песком.

— Сидим здесь, — сказал он. — Не выходим. Ждём.

— Сколько? — прошептала мать.

— Сколько надо, — ответил отец.

Максим прижался спиной к холодной стене. В голове было пусто. Он думал о Кристине. Где она? Успела ли спря-

таться? Он достал телефон. Сети не было. Экран светился в темноте, как маленький синий огонёк.

— Макс, — сказала мать. — Всё будет хорошо.

Он кивнул. Но не поверил.

Так начался первый день под землёй. Первый день из многих. Первый день после конца мира.

Глава 2. Подвал

Первые сутки в подвале тянулись как неделя.

Максим потерял счёт времени почти сразу. Телефон разрядился к вечеру первого дня — он бесполезно жёг экран, пытаясь поймать сеть, и в итоге остался с чёрным прямоугольником в кармане. Часы были только у отца — старые, механические, с потёртым ремешком. Он смотрел на них каждые полчаса и говорил:

— Девять вечера. Десять. Одиннадцать.

Света не было. Электричество отключилось сразу после первого удара — то ли подстанцию разнесло, то ли её отключили намеренно, чтобы избежать пожаров. В подвале горели

три свечи, поставленные на ящики с песком. Их пламя дрожало от каждого вздоха, и тени на стенах шевелились, как живые.

Мать сидела на нарах, поджав колени к груди. Она не плакала — выплакалась ещё наверху, в коридоре, когда отец тащил её вниз. Теперь она просто молчала и смотрела в одну точку. Иногда её губы шевелились, и Максим понимал: она молится. Хотя раньше никогда не молилась.

Отец ходил по подвалу, проверял стены, трубы, двери. Их подвал был не оборудованным бомбоубежищем, а обычным техническим помещением — здесь стояли трубы отопления, водопроводные вентили, старые шкафы с краской и кистями. Но стены были бетонные, толстые, и это давало хоть какую-то защиту.

— Надо заделать щели, — сказал отец, осмотрев дверной проём. — Радиация проникнет через любую дырку.

Он нашёл в шкафу старые тряпки и моток скотча. Вместе с Максимом они заклеили щели вокруг двери, забили тряпками вентиляционные отверстия. Мать тем временем пересчитала запасы: два мешка картошки, три ящика консервов, десять бутылок воды, аптечка, свечи, спички, соль, сахар, чай.

— На две недели хватит, — сказала она тихо. — Если экономить.

— Хватит, — подтвердил отец.

Наверху что-то громыхнуло. Все трое замерли. Потом ещё раз. Потом звук стих, и наступила тишина — глухая, давящая, как будто весь мир заложило ватой.

— Это далеко, — сказал отец. — Не здесь.

Максим кивнул. Он сидел на нарах, обхватив колени руками, и думал о Кристине. Где она? В своём подвале? Успела ли? Или... Он не хотел думать об этом. Он думал о другом: о том, как утром пил чай на кухне, как шёл в колледж, как солнце било в глаза. Прошло меньше суток. А казалось — прошла жизнь.

Ночью он не спал. Лежал на нарах, слушал, как дышат родители, как капает вода из трубы. И вдруг услышал: наверху, на улице, кто-то ходил. Шаги. Медленные, тяжёлые. Они приблизились к стене подвала, остановились. Максим затаил дыхание. Шаги постояли и пошли дальше.

— Кто это? — прошептал он.

— Не знаю, — так же шёпотом ответил отец. — Но мы не выходим. Понял? Ни звука.

Они не выходили. Ни в ту ночь, ни на следующий день.

Вторые сутки были легче. Или, может, тяжелее — Максим не понимал. Они установили режим: еда два раза в день, вода по половине бутылки на человека. Отец выходил наверх — один, ненадолго, — чтобы проверить обстановку. В первый раз он вернулся через десять минут, бледный, но спокойный.

— Дым, — сказал он. — Горит где-то. Но далеко. И тихо. Людей не видно.

Во второй раз он принёс из квартиры одеяла и подушки. В третий — кастрюлю и газовую горелку с баллончиком.

— Надо экономить спички, — сказал он. — Горелка лучше.

Мать понемногу оживала. Она начала готовить — на горелке, в кастрюле, варила картошку и разогревала консервы. Запах еды в подвале казался чем-то невероятным, почти кощунственным. Максим ел и думал: как можно есть, когда там, наверху, всё горит? Но голод был сильнее.

На третий день отец принёс радиоприёмник. Тот самый, старый, из гаража. Он поставил его на ящик, покрутил ручку. Динамик захрипел, запищал, и вдруг из него прорвался голос — далёкий, прерывающийся, но живой:

«...повторяем... ядерные удары нанесены по... городам... не выходите на улицу... уровень радиации... ожидайте дальнейших указаний...»

Голос пропал. Отец покрутил ручку снова, но поймал только треск.

— Значит, кто-то ещё жив, — сказал он. — Значит, есть власти. Надо ждать.

— Сколько? — спросила мать.

— Не знаю. Неделю. Может, две. Пока фон не снизится.

Максим слушал их и думал: а что потом? Что будет через две недели? Мир не станет прежним. Город не восстановится. Люди... люди не вернутся. Но он не сказал этого вслух. Он видел лица родителей — измученные, серые, — и понимал: они держатся из последних сил. Если он скажет им правду, они сломаются.

На пятый день мать заболела.

Сначала она просто пожаловалась на головную боль. Потом начался кашель — сухой, лающий. К вечеру поднялась температура. Отец дал ей таблетку от жара, но к утру стало хуже. Она лежала на нарах, укрытая двумя одеялами, и дышала тяжело, с хрипом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.